
ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Ч. ТИЛЛИ КАК УМИРАЮТ ИМПЕРИИ¹

Через много веков после Геродота и Монтескье поэты, историки и философы обращаются к популярной в нашей культуре теме прекращения существования империй. Рефлексия по поводу их заката имеет широкий резонанс для всей мировой истории, потому что происходит вопреки кажущейся нерушимости данного вида человеческих предприятий. Контраст между бывшим великолепием и поразительным крахом часто ложится в основу моральных размышлений на тему упадка империй, речей новых завоевателей, бравирующих своим превосходством над поверженными, либо философов, предостерегающих от чрезмерной гордыни. (Сегодня, объявляя о распаде советской империи, мы должны понимать, к какой из этих двух категорий ораторов относимся.) Из философских панигириков вспоминаются слова Луиса Мамфорда о падении Рима:

«С позиций политики и урбанизма Рим остается важным примером того, чего следует избегать: в его истории обнаруживается серия классических опасных сигналов, предупреждающих, когда общество движется в неправильном направлении. Каждый раз, когда собираются тесные толпы, когда круто возрастает

¹ Перевод с англ. главы монографии: *Tilly Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Barkey K., von Hagen M. (eds.). – Boulder; Oxford: Westview press, 1997. – P. 1–11.* Печатается с разрешения издательства. Система ссылок и сносок сохранена согласно первоначальному варианту текста. См. далее по всей статье.

арендная плата, а жилищные условия, наоборот, ухудшаются, когда уменьшается эксплуатация дальних территорий ради достижения баланса и гармонии в близлежащем окружении, всегда почти автоматически воспроизводятся эпизоды из древнеримской истории: арены, высокие дома, массовые соревнования и зрелища, футбольные матчи, конкурсы красоты, стриптиз, ставший вездесущим благодаря рекламе, щекотание чувств сексом, алкоголем и жестокостью – все в настоящем римском стиле. Добавьте к этому растущее число бань и чрезмерные расходы на расширение дорог, а также всеобщую заикленность на разного рода эфемерностях, производимых с превосходной технической дерзостью. Все это симптомы близкого конца: падение морали, опустошение жизни. Когда этих знаков становится все больше, город мертвых все ближе, хотя пока никаких разрушений не заметно. За варваров, которые захватили город изнутри. Вперед, палач! Вперед, хищник!»¹.

Мамфорд предполагает, что за определенной чертой рост политической власти и технических навыков приводит к дегуманизации жизни, ведущей к их самоуничтожению. Аналогично Алекс Мотыл заявляет, что «абсолютизм порождает патологии, приводящие к его саморазрушению, и это в территориально протяженных империях неизбежно приводит к ослаблению контроля центра над периферией»².

Но прежде чем проводить вскрытие, мы должны быть уверены в том, что тело болело и действительно умерло. В конце концов, с момента возникновения субстанциональных государств империи являлись сильнейшей и крупнейшей государственной формой, хищными динозаврами, которые, казалось, не могли быть уничтожены ничем, кроме планетарной катастрофы. Только теперь, в XX в., кажется, уходит в прошлое время огромных евразийских империй, которые начали возникать на территории от Средиземного моря до Восточной Азии практически четыре тысячи лет назад. В определенной степени мы рассматриваем такие

¹ Lewis Mumford, *The City in History its Origins. Its Transformation, And Its Prospects* (New York: Harcourt, Brace and World, 1961), 24.

² Alexander Motyl, «From Imperial Decay to Imperial Collapse: The Fall of the Soviet Empire in Comperative Perspective» in ed. Richard J. Rudolf and David F. Good, *Nationalism and Empire: The Habsburg Empire anf the Soviet Union* (New York: St. Martin's Press, 1992).

международные организации, как Европейский союз, ГАТТ и НАФТА, как обладающие имперским дизайном. Таким образом, даже сегодня хоронить империи еще рано.

Если же империи действительно исчезают, то процесс этот вызывает сложный вопрос, как внезапное вымирание динозавров. На исходе самого кровавого и вооруженного века человеческой истории означает ли разрушение империй, что сократятся межгосударственные завоевания, уступив место гражданским войнам и геноциду? Рассказывает ли исчезновение империй (в том числе деколонизация, начавшаяся в 1960-е годы) что-нибудь о будущем их осколков? Как, когда и где проявятся новые формы внутренних и внешних конфликтов, спровоцированных падением империй? Всегда ли вспышки национализма в бывших имперских составных частях сопровождаются ослаблением центра? Какие условия нужны государствам-наследникам для формирования стабильных демократических режимов? Вне зависимости от того, достигли ли мы конца эпохи империй, предыдущие циклы угасания данных образований ставят перед нами сложные вопросы и предоставляют богатый материал для анализа.

Принимаясь за исследование, нам следует избегать грубого предположения о том, что империи проигрывают только из-за своей нежизнеспособной формы государственного управления. Наоборот, на протяжении веков они успешно демонстрировали свою стойкость. Китайская империя в разных своих вариациях просуществовала более 2 тыс. лет, Византийская империя прожила более тысячи лет, Римская империя – шесть веков, Османская империя – пять, различные монгольские государства, превосходящие по размеру любую из когда-либо существовавших на земле политических организаций, – примерно пять с половиной веков. О конце менее длительных, но до сих пор значимых Британской, Французской, Немецкой, Итальянской, Испанской, Португальской, Бельгийской, Голландской, Американской, Российской, Советской и Австро-Венгерской империй до сих пор помнят наши современники.

Еще до того, как на европейском континенте стали доминировать консолидированные государства, помимо широко известных Римской и Британской империй существовали Норманнская, Польско-Литовская, Шведская и Бургундская империи. Имперскую организацию имели и крупные мусульманские государства в

Средиземноморском регионе. Кроме того, большое количество подобных образований возникало и умирало в Южной Америке, Африке, Юго-Восточной Азии. Давая относительно свежие примеры существования империй на нашей планете, мы – те, кто говорит определенно об общей тенденции конца империй, – рискуем совершить ошибку, принимая падение конкретных политических режимов за окончательное отмирание ранее доминировавшей политической формы. Так же как мы должны избегать громких криков о безвозвратной «демократизации» в мире, где партизанская война, геноцид и политцид становятся все более типичными практиками¹, мы должны воздерживаться от заявления о том, что империи отправились на свалку истории к своим ранее ушедшим предшественникам.

Десять тысячелетий, на протяжении которых обнаруживаются некоторые признаки существования государственности, большинство политических образований имели одну из трех форм: город-государство, аграрно-военные образования, империи, – или же многочисленные комбинации этих трех форм, как, например, веницианский вариант рассредоточенной морской империи в сочетании с городом-государством или сложная федерация городов-государств Голландская Республика. Только в последние два столетия консолидированные государства – организации, обладающие правом насилия и непосредственно управляющие на основе универсальных правил в ряде гетерогенных и четко ограниченных территорий, – стали доминирующей формой политической организации, сначала в Европе, а потом, в результате соперничества и завоеваний, во всем мире.

Однако нам не следует представлять, что государства имеют столько преимуществ перед другими политическими организациями и поэтому способствуют превращению других форм в устаревшие. После менее чем двух веков гегемонии западные государства де-

¹ См.: Martine van Cleveld, *Technology and War from 2000 B.C. to the present* (New York: Free Press, 1989); idem, *the transformation of war* (New York: Free Press, 1991); Helen Fein, "Accounting for Genocide after 1945: Theories and Some Findings," *International Journal on Group Rights* 1 (1993): 79–106; Ted Robert Gurr, *Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts* (Washington DC.: U.S. Institute of peace press, 1993); и Barbara Harff, "Victims of the State: Genocides, Politicides and Group Repression since 1945," *International Review of Victimology* 1 (1990): 23–41.

монстрируют неспособность обеспечивать порядок и общественные блага, не справляясь с вызовами современности, – такими как сети капитала и труда, торговли наркотиками и оружием, терроризма и т.д., легко преодолеваемыми с таким трудом воздвигнутые границы¹. Возможно, век спустя консолидированные государства будут казаться эфемерными образованиями, в то время как именно империи – исторически доминирующей формой политической организации во всем мире.

Империя – это крупная сложносоставная полития, связанная с центром непрямым способом. Органы центральной власти осуществляют военный и финансовый контроль в каждом крупном сегменте имперского доминирования, но при этом допускается не прямое управление следующими способами: (1) сохранение или заключение особых пактов с органами власти каждого сегмента; (2) отправление своих полномочий через посредников, пользующихся значительной автономией в своих доменах в обмен на лояльность, сбор дани и военное сотрудничество с центром.

Исследователи из Швейцарии, США, ФРГ, Бразилии и Южной Африки поспешат объявить это скорее вопросом степени выраженности признака, нежели абсолютных различий; однако современные федерации в пределах сфер их компетенций осуществляют свою власть над регионами более унифицированно и прямо, чем это делали Монгольская и Османская империи. Империи управляют косвенно посредством различных договоренностей, поскольку они возникают в результате завоевания уже существующих политий. Отсюда тесное сотрудничество с местными властями, которые со-

¹ См. Stephen Graubard, ed., “Reconstructing Nations and states,” *Daedalus* 123 (1993), все издание; idem, “Europe Through a Glass Darkly,” *Daedalus* 123 (1994), все издание; idem, “What Future for the State?” 124 (1995), все издание; Hugh Gusterson, “Realism and World Order after the Cold War,” *Social Research* 60 (1993): 279–300; Istvan Hont, “The Permanent Crisis of a Divided Mankind: Contemporary Crisis in Historical Perspective,” *Political Studies* 42 (1994): 166–231; John Gerrard Ruggie, “Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations,” *International Organization* 47 (1993): 139–174; Sidney Tarrow, “La mondialisation des conflits: encore un siècle de rébellion?” *Études Internationales* 24 (1993): 513–532; Janice E. Thomson, “State Sovereignty in International Relations: Bridging the Gap Between Theory and Empirical Research,” *International Studies Quarterly* 39 (1995): 213–234; and Charles Tilly, “Globalization Threatens Labour’s Rights” *International Labor and Working Class History* 47 (1985): 1–23.

храняют значительную свободу действий в рамках их собственных юрисдикций. В соответствии с этой же логикой империи распадаются в результате внешнего завоевания или сопротивления провинций, осуществляемых бывшими представителями центра.

Империя показала себя как самовозобновляемая гибкая форма управления крупными территориями по двум основаниям: потому что удерживает вместе небольшие субъекты и не требует при этом стимулированных центром внутренних изменений; и потому что выкачивает ресурсы для правителей без дорогостоящего контроля и репрессий. Региональная власть использует существующие практики, договоренности и отношения, чтобы отдавать минимально возможные дань, военную поддержку и лояльность центру. Они могут согласиться на извлечение выплат и услуг в таком объеме, какой регион может вынести без оценки его реального потенциала. До тех пор, пока региональные власти справляются собственными силами и обращаются к центру за помощью только в чрезвычайных ситуациях, у метрополии нет необходимости в создании системы по обеспечению порядка в регионах, в гораздо меньшей степени мониторинг и контроль над границами сопряжены с налогами на доходы, на собственность и с акцизами¹. Получение центром ресурсов, как правило, осуществляется ценой больших сокращений, уклонений, личного влияния и неравенства – это одна из причин, по которой внезапные требования императора по увеличению дохода вызывают вспышки мятежей ранее уступчивых подданных. Однако грубая простота имперской формы государственного устройства позволяет ей приспособиться ко многим социальным пространствам.

В противовес медленному приращению власти в городах-государствах, аграрных имениях и консолидированных государствах, экспансия империй происходит порой с поразительной скоростью, потому как сочетает в себе военные завоевания с политической кооптацией, встраивая существующие государственные системы правления в сети подданничества и военные альянсы. Отсюда быстрое появление хищных Персидской, Монгольской и Османской империй, первоначально опиравшихся на вооруженных всадников,

¹ Gabriel Ardant, *Thorie sociologique de l'impot*, 2 vols. (Paris SEVPEN, 1965); and John L. Campbell, «The State and Fiscal Sociology», *Annual Review of Sociology* 19 (1993): 163–185.

на горизонте их аграрных соседей. Однако в этом же кроется источник возможного впечатляющего коллапса империй. Иногда происходят разрушения по следующим причинам: (1) политические единицы, входящие в империю, остаются отделяемыми из-за слабой интеграции в какую-либо административную сеть; (2) их наместники имеют слишком большие полномочия и могут покинуть империю; (3) подчиненное население сохраняет старую идентичность, память и недовольство; (4) информация об уязвимости центра распространяется по территории страны и становится доступной для внешних врагов. Китайская империя имела большую продолжительность жизни, чем другие, потому что учитывала все эти четыре угрозы. Создавая достаточно однородную управленческую структуру, интегрируя местную аристократию в борьбу за имперскую благосклонность, часто меняя имперских чиновников, не давая им должностей в родных провинциях, стимулируя высокую мобилизацию и уменьшая общественное признание межэтнических различий, а также устраивая постоянные демонстрации силы центра, империи удалось просуществовать очень долго, колеблясь между кризисами и завоеваниями¹.

В свете этого нам стоит скептически относиться к рассказам о коллапсе коммунизма, фокусирующим внимание на одной-

¹ Kung Chuan Hsiao, *Rural China: Imperial Control in the Nineteenth century* (Seattle: University of Washington Press, 1960); Stuart Schram, ed., *The Scope of State Power in China* (1985); idem, *Foundations and Limits of State Power in China* (1987) (последние два издания опубликованы School of African and Oriental Studies, University of London и Chinese University Press of Hong Kong для European Science Foundation); Vivienne Shue, *The Reach of the State: Sketches of the Chinese Body Politic* (Stanford: Stanford University Press, 1988); William G. Skinner, "Marketing and Social Structure in Rural China," *Journal of Asian Studies* 44(1985): 271–292; Frederic Wakeman "Strategies at the gate: Social Disorder in South China, 1839–1861" (Berkeley: University of California Press, 1966) idem, *The Great Enterprise: The Manchu Reconstruction of Imperial Order in Seventeenth-Century China*, 2 vols. (Berkeley: University of California Press, 1985); Joseph B.R. Whitney, *China: Area, Administration, and Nation Building*, Research Paper 123 (Chicago: Department of Geography, University of Chicago, 1970); Pierre-Etienne Will "Chine moderne et sinologie," *Annales; Histoire, Sciences Sociales* 49 (1994): 7–26; Pierre-Etienne Will and R. Bin Wong, *Nourish the People: The State Civilian Granary System in China, 1650–1850* (Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press, 1991); an Bin Wong, "Les émeutes de subsistances en Chine et en Europe Occidentale," *Annales; Economies, Sociétés Civilisations* 38 (1983): 234–258.

единственной ошибке в имперской структуре, будь то «абсолютизм» А. Мотыля или что-то еще¹. Подход Мотыля довольно пространен, он объясняет все внутренними или универсальными факторами. В первом случае причины распада находятся внутри системы, во втором случае утверждается, что все подобные системы рано или поздно распадаются по одной и той же причине. Аналогично Джозеф Тэйнтон основывает свой интерналистский и универсалистский анализ «коллапса» главным образом на сокращении минимальной отдачи центру.

Многие другие объяснения, наоборот, базируются на уникальности рассматриваемых кейсов или / и на внешнем по отношению к системе характере основных причин. Самые распространенные объяснения соединяют уникальные и типичные причины при балансе внешних и внутренних факторов². Для класса территориально протяженных империй интерналистско-универсалистская схема Мотыля предполагает повторяющийся процесс, в котором якобы необходимый элемент таких организаций – абсолютизм – подрывает собственные условия выживания. Оставим в стороне сомнительное использование Мотылем понятия «абсолютизм»³ для описания текущей деятельности любого государства как притязания правителя на благословенное небесами превосходство над региональными магнатами. Оставим также в стороне неудачное использование им слова «префект» (типичного термина, применяемого к формируемой через обсуждение системе прямого прав-

¹ См.: Thomas A. Brady, Jr., *Turning Swiss; Cities and Empire, 1450–1550* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986); David Strang, “From Dependency to Sovereignty; An Event History Analysis of Decolonization, 1870–1897,” *American Sociological Review* 55 (1990): 846–860; and idem, *Global Patterns of Decolonization, 1500–1987*,” *International Studies Quarterly* 35 (1991): 429–454.

² Joseph A. Tainter, *The Collapse of Complex Societies* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988).

³ William H. Beik, *Absolutism and Society in Seventeenth-Century France* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985); Nicholas Henshall, *The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy* (London: Longman, 1992); Sharon Kettering, “Brokerage at the Court of Louis XIV,” *Historical Journal* 36 (1993): 69–87; and Richard Lachmann and Julia Adams, “Absolutism’s Antinomies: Class Formation, State Fiscal Structures and the Origins of the French Revolution,” *Political Power and Social Theory* 7 (1988): 135–175.

ления) к наделяемым властью полуавтономным посредникам, служащим имперскому режиму¹.

Главная идея Мотыля вторит классическому описанию проблемы «принципал – агент» в империи, данному Шмуэлем Эйзенштадтом². На самом деле каждая империя сталкивается с проблемой уступчивости региональных агентов и надежности поступающей от них информации. Эти агенты достаточно часто налаживают многочисленные связи, приобретают интересы и способности, позволяющие им ниспровергать имперский проект, объединяться с его врагами или даже самостоятельно сопротивляться на свой страх и риск. Однако чтобы полагать, что каждая империя погибает из-за этой дилеммы, нужно в какой-то степени забыть об огромной вариативности в продолжительности жизненного цикла империй и их гибели, а также значимость внешних завоеваний.

Задавать вопрос о том, как империи прекращают свое существование, – все равно что спрашивать, как реки меняют свое направление, как умирают коралловые рифы и прекращаются династии. *In vitro* мы можем представить единственную модель империи, реки, кораллового рифа или династии. Однако, проверенная *in vivo*, она скорее всего будет нежизнеспособна. Если на протяжении четырех тысячелетий империи встречались так часто, но при этом были столь разнообразны, то мы вряд ли сможем извлечь из их истории менее тривиальные факты, чем я уже называл: сочетание внешних завоеваний с внутренними проблемами обычно приводит к упадку империй. В случае с Советским Союзом можно применить это общее правило к истощению советских военных сил в ходе войны в Афганистане, к декларации Горбачёва о невмешательстве в дела стран Варшавского договора и привлекательности капиталистических отношений для стран Балтии. Однако ни то ни другое не поможет нам продвинуться в систематической интеграции опыта СССР с опытом других империй. Мне не хотелось бы вмешиваться в игру по сравнению распада СССР и

¹ Isser Woloch, *The New Regime: Transformations of the French Civic Order, 1789–1820 s* (New York: Norton, 1994).

² S.N. Eisenstadt, *The Political Systems of Empires: The Rise and Fall of the Historical Bureaucratic Societies* (New York: Free Press of Glencoe, 1963); cf. David E.M. Sapping-ton, “Incentives in Principal-Agent Relationships,” *Journal of Economic Perspectives* 5 (1991): 45–66.

империи Габсбургов, но хочу предостеречь, что поиск соответствий по пунктам в принципе имеет мало пользы. Мы достигнем лучших результатов, если поместим казусы в содержательную матрицу разновидностей империй и их закатов.

В действительности Алекс Мотыль начал важный процесс дифференциации, предложив разделение империй на территориально протяженные и рассеянные. Однако это разделение не до конца решает нашу проблему. Факт превосходства морских путей вплоть до прошлого века или около того не дает нам право утверждать с полной уверенностью, что, например, рассеянная Венецианская империя была крепка, как протяженная и по большей части имевшая сухопутные границы Российская империя, или что падение Венецианской империи из-за османской экспансии отличалось от падения Византии, ускоренного венецианско-османским сотрудничеством¹. Скорее всего, наиболее удачно мы можем выразить это измерение различий в виде транзакционных издержек, используя следующую грубую гипотезу: чем больше транзакционные издержки по сохранению контроля центра над сегментом империи, тем выше вероятность отделения сегмента от империи; чем выше общие транзакционные издержки контроля над сегментом по сравнению с доходами от субъектов, тем вероятнее дезинтеграция империи.

Поскольку отсутствуют общепринятые эталоны для измерения транзакционных издержек и доходов империи, попытка мыслить в категориях затрат и выгод становится проблематичной. Однако это позволяет нам оценить общие эффекты таких существенных изменений, как прекращение потока серебра и золота из Южной Америки в Испанию или разгул пиратства на торговых путях, связывающих части морской империи². И сокращение доходов, и рост издержек по обеспечению контроля приводят к понижению жизнеспособности империй. Империи, каналы коммуникации и жиз-

¹ John H. Pryor, *Geography, Technology, and War: Studies in the Maritime History of the Mediterranean, 649–1571* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988).

² J.H. Elliott, *Imperial Spain, 1469–1716* (London: Edward Arnold, 1963); Richard Herr, *Rural Change and Royal Finances in Spain at the End of the Old Regime* (Berkeley: University of California Press, 1989); Alberto Tenenti, *Piracy and the Decline of Venice, 1580–1615* (Berkeley: University of California Press, 1967); and Janice E. Thomson, *Mercenaries, Pirates, and Sovereigns: State-Building and Extraterritorial Violence in Early Modern Europe* (Princeton: Princeton University Press, 1994).

необеспечения которых слишком длинны, без сомнения, более чувствительны к сбоям любых видов. Таким образом, отличительный признак, выделенный Мотылем, позволяет обнаружить основное измерение различий между империями.

Какие еще измерения следует выделить? Сам характер империй как крупных сложносоставных образований, связанных с центром непрямым управлением, подсказывает варианты: размер империи, военная организация, технологии, связь между имперским центром и внешними силами, система международных отношений, степень гетерогенности доминирующих субъектов, степень неравенства между центром и периферией, механизмы, используемые для прямого управления, и, несомненно, свойственная самому центру политическая, экономическая и социальная организация. Условия для выживания империи, мутации или распада — процессов, через которые происходит трансформация империй, а также результаты дезинтеграции империй должны систематически отличаться по большинству этих характеристик. Их список должен быть вынесен на дискуссию.

Можно надеяться пойти дальше этого перечня с помощью обратной процедуры: от предполагаемых изменений империй к пониманию закономерностей. При каких условиях и какими способами, например, при разрушении империй могут возникнуть демократические политии? В современных дискуссиях доминируют «субстанциональное» и «процедурное» определения демократии: «субстанциональное» заключается в подчеркивании таких результатов, как равенство и согласие, а «процедурное» акцентируется на схемах — например на свободном голосовании и сменяемости власти¹. Я же предлагаю остановиться на старомодном «институцио-

¹ Anthony Arblaster, *Democracy* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987); Ross E. Burkhardt, and Michael S. Lewis-Beck, "Comparative Democracy: The Economic Development Thesis," *American Political Science Review* 88 (1994): 903–910; Robert Dahl, *Democracy and Its Critics* (New Haven: Yale University Press, 1989); Larry Diamond and Gary Marks, eds., "Comparative Perspectives on Democracy: Essays in Honor of Seymour Martin Lipset," special issue of *American Behavioral Scientist* 35 (1992); Giuseppe Di Palma, *To Craft Democracies: An Essay on Democratic Transitions* (Berkeley: University of California Press, 1990); Eva Etzioni-Halevy, *The Elite Connection: Problems and Potential of Western Democracy* (Cambridge: Polity Press, 1993); Steven M. Fish, *Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution* (Princeton: Princeton University Press, 1995);

нальном» определении, концентрирующемся на отношениях между гражданами и государством. Оно основано на ряде концептов, определение которым я должен дать, чтобы избежать путаницы.

Государство: организация, контролирующая основные сконцентрированные механизмы насилия на данной территории и имеющая преимущество над остальными организациями, действующими на данной территории.

Полития: комплекс отношений между агентами государства и всеми основными политическими акторами на ограниченной территории.

Права: обеспеченные правовой санкцией претензии, противоположные обязанностям.

Гражданство: права и взаимные обязанности, связывающие агентов государства и категорию людей, определяемые исключительно по их принадлежности одному государству.

Согласно этой концепции государство является демократическим в той мере, в которой оно обеспечивает: (1) всеобщее гражданство, (2) равное гражданство, (3) обязательные консультации с гражданами относительно состава правительства и проводимой политики, (4) защиту граждан от деспотических действий государства. Нет ни одного государства, достигшего полной демократии по этим стандартам, и в реальности режимы варьируются от полностью недемократических (неполное, неравное без консультаций или защиты) до относительно демократических (высоки все четыре показателя).

David Held, *Models of Democracy* (Stanford: Stanford University Press, 1987); Alex Inkeles, ed., *On Measuring Democracy. Its Consequences and Concomitants* (New Brunswick: Transaction, 1991); Alberto Melucci, "Liberation or Meaning? Social Movements, Culture and Democracy," *Development and Change* 23 (1992): 43–77; Edward N. Muller and Mitchell A. Seligson, "Civic Culture and Democracy: The Question of Causal Relationships," *American Political Science Review* 88 (1994): 635–652; Guillermo O'Donnell and Philippe C. Schmitter, *Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy* (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986); Robert D. Putnam, *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy* (Princeton: Princeton University Press, 1993); Dietrich Rueschemeyer, Evelyne Huber Stephens, and John D. Stephens, *Capitalist Development and Democracy* (Chicago: University of Chicago Press, 1992); and Philippe C. Schmitter and Terry Lynn Karl, "What Democracy Is ... and Is Not," *Journal of Democracy* 2 (1991): 77–88.

По этим критериям части империй в принципе могут достигнуть определенной степени демократичности, но вся империя по определению остается недемократичной: сегментация территории и не прямое управление препятствуют равному гражданству, практике обязательных консультаций и защите населения. Это определение позволяет понять, что переход империи к демократии предполагает: (а) либо распад на сегменты, внутри которых местные институты справятся с обеспечением широкого и равного гражданства, с консультациями и обеспечением защиты, (б) либо отказ от непрямого управления в пользу прямого, стандартизованного набора связей между центром и периферией, формирующего гражданство.

История знает несколько примеров первого сценария, но не второго. Вместе с тем обязательным условием демократизации на региональном уровне во втором случае, помимо подчинения вооруженных сил гражданскому контролю, являются наличие широкой классовой коалиции, поддерживающей государство, повсеместный сбор налогов, предполагающий представительство налогоплательщиков¹. Без ликвидации системы непрямого управления права граждан остаются слабыми и неравными. Это наблюдение объясняет критический изъян в существующих капиталистических и анархистских программах по децентрализации (или по разрушению государства); права человека исчезают при отсутствии структуры, осуществляющей их стандартизованную и эффективную реализацию².

Национализм – это еще одна проблема, относящаяся к рассматриваемому вопросу. Насколько тесной и общей является связь между вспышками национализма и распадом империй? Вопрос этот актуален не только потому, что национализм следовал за недавним распадом СССР, Югославии и Варшавского договора, не только потому, что возможны интригующие аналогии между этими событиями и закатом Австро-Венгерской и Оттоманской империй, но и потому, что этот вопрос определяет зону потенциально

¹ Charles Tilly, “Democracy Is a Lake”, in ed. George Reid Andrews and Henric Chapman, *“The Social Construction of Democracy”* (New York: New York University Press, 1995).

² Charles Tilly, “Globalization threatens Labor’s Rights”, *International Labor and Working Class History* 47(1995): 1–23.

плодотворных разногласий в исследовании национализма. Во многих исследованиях (не все из них согласуются друг с другом) предполагается связь между национализмом и падением империй, например, по причине того, что нации по возможности избегают положения подчиненных и / или с началом дезинтеграции империй внешние силы способствуют сепаратизму в составных частях империи¹.

Ряд исторических исследований, также противоречивых в оценках причинности, утверждают, что национализм возник относительно недавно в ходе определенных исторических процессов² и может исчезнуть при изменении исторических условий. Эрик Хобсбаум и я опубликовали сформулированные в этой логике интерпретации национализма, обращая особое внимание на попытки государства дать определение нации и распространить это понимание на обычных граждан, так же как и на последующее принятие идеи национального самоопределения как принципа признания новых государств³. Таким образом, конфронтация между обобщающим и историческим анализом, скажем, соревнование между Энтони Смитом и Роджером Брубэкером, дает надежду на получение ответов не только на ряд запутанных вопросов о национализме, но и на загадки конца империй.

Перевод Е.К. Костровой

¹ Walker Connor, "Ethnonationalism" in ed. Myron Weiner and Samuel P. Huntington, *Understanding Political Development* (Boston: Little, Brown, 1987); Karl Deutsch, *Nationalism and Social communication* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1966); Donald Horowitz, *Ethnic Groups in Conflict* (Berkeley: University of California Press, 1985); and Anthony D. Smith, *The Ethnic Revival* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981).

² John A. Armstrong, *Nations Before Nationalism* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982); Benedict Anderson, *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (London: Verso, 1991); Ernest Gellner, *Nations and Nationalism* (Ithaca: Cornell University Press, 1983); Liah Greenfeld, *Nationalism: Five Roads to Modernity* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992); and Miroslav Hroch, *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985).

³ E.J. Hobsbawm, *Nations and Nationalism Since 1789 Programme, Myth, Reality* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990); and Charles Tilly "States and Nationalism in Europe 1492–1992," *Theory and Society* 23 (1994); 131–146.